

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Я. ЕВСЕЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРУЖБА КАРЕЛ И РУССКИХ В ОТРАЖЕНИИ ПОЗДНИХ ВЕРСИЙ КАРЕЛО-ФИНСКИХ РУН

Столетие полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» вновь приковало к себе внимание всех кругов советской науки об обществе, возбудив интерес к «Калевале» и у советских историков, поскольку они могут черпать из этого своеобразного источника ценные сведения для изучения многовекового общественного развития северо-западных окраин нашей Родины.

Однако особую ценность для историка представляет не столько литературная версия «Калевалы» (как композиция полного издания, существующая всего лишь сто лет), сколько те варианты подлинных народных эпических песен, которые либо легли в основу «Калевалы», либо по разным причинам остались неиспользованными в ней и история которых уходит в глубь веков.

Основную массу карело-финских рун на сюжеты «Калевалы» составляет народный эпос, сложившийся в эпоху разложения родового строя. Впрочем, карело-финские эпические песни не ограничиваются отражением ранних ступеней общественного развития. Карело-финский народ с самого начала возникновения древнерусского государства выступал на исторической арене совместно с русским народом. Многовековая дружба с русским народом, любовь к своей родине обусловили то, что памятные для карел исторические события отразились в эпических песнях, которые в силу своеобразия исторического развития карел полностью не успели превратиться в исторические песни. И, пользуясь ниже этим последним термином, мы тут же отмечаем несколько условный его характер.

Вышеотмеченные обстоятельства привели к такому положению вещей, когда сами карельские сказители почти не видят четкой грани между древней эпической песней и песней, которую филолог назвал бы исторической. Разумеется, карельский певец рун сознает, что имеется какое-то принципиальное различие между героем песни об осаде Выборга — Петром I и эпическим героем «Калевалы» — старым Вейнемейном. Однако, например, согласно многим вариантам карельских рун «Калевалы», старый Вейнемейнен с презрением отказывается от предлагаемых в качестве выкупа шведского золота и немецкого серебра, так же как это делает герой песни об осаде Выборга Петр I. Этой чертой ха-

рактера не исчерпывается возникший в процессе развития карельских эпических песен фольклорный образ старого Вейнемейнена или Петра I, но в таких общих психологических штрихах уже многое вырисовывается для характеристики народных представлений об этих героях. В некоторых вариантах эпической песни об осаде Выборга говорится о том, как Петру I оказывает помощь герой рун «Калевалы» — кузнец Ильмаринен. Петр I, как и Вейнемейнен, в представлении сказителей становится собирательно-типическим героем песни. Песня называет его сыном карельским¹ и иногда соединяет с Иваном Грозным — «нашим хозяином»². Согласно отдельным вариантам песни об осаде Выборга ее герои Петр I и Иван Грозный в своих действиях не отличаются от древних персонажей рун «Калевалы». Таким образом, в этой песне начинает отражаться целая серия аналогичных исторических событий — осада Выборга при Петре I и Иване Грозном и более ранние набеги на этот город со стороны карел, олицетворенных в Лемминкейнене и Куллерво, сыне Калервы, которые, согласно некоторым вариантам карельских эпических песен, также изображаются стоящими на подступах к Выборгу³.

В силу такого приурочения разных исторических и эпических персонажей к разным, но аналогичным историческим событиям грань между карельскими эпическими и историческими песнями в сознании сказителей лишь намечается.

Отражение разных исторических событий в одной и той же карельской историко-эпической песне объясняется не только многовековым развитием этой песни, но и патриотическим характером ее поздних версий. В эпической песне основное внимание певца и его слушателей сосредоточивается не столько на точной передаче хода исторических событий, сколько на выражении в ней патриотических чувств карельского народа и дружественных русско-карельских отношений.

На протяжении многих столетий карелы все больше и больше убеждались в возможности сохранить свое самобытное существование лишь в тесном боевом содружестве с великим русским народом. Культурное влияние древней Руси на карело-ижорское население Карельского перешейка и ижорско-водьской земли еще до татаро-монгольского ига не выражалось в уничтожении отмеченной самобытности. Разумеется, существовало дружественное «соперничество» между карельскими родовыми общинами и срубаемыми на Карельском перешейке древненовгородскими городками и пригородами (к которым можно причислить не только упоминаемый летописью Тиверский городок, но и древний городок на месте Выборга); это соперничество выражалось в процессах смешения отдельных древних карельских и русских этнических групп на Карельском перешейке.

Согласно некоторым южнокарельским вариантам рун, записанным нами в 1934—1935 гг., эпический герой Выборайне соперничает с героями рун «Калевалы» в их сватовстве к дочери Хийси⁴. Финский историк Я. В. Рут в своей книге «История города Выборг» вслед за филологом Миккола вынужден признать, что были какие-то веские основания для возникновения летописного предания об основании древнего Выборга неким новгородским князем, назвавшим этот городок именем своего сына «Выбор»⁵. Кстати, подобное же название местности представлено в топонимике, связанной с Великим Новгородом.

¹ См., например, *Suomen kansan vanhat runot* (в дальнейших ссылках сокращение — SKVR), I, 1055.

² Там же, 2180—2181.

³ Там же, I, 989.

⁴ Карело-финские эпические песни. Под ред. акад. Ю. М. Соколова. Петрозаводск, 1941, стр. 52.— Здесь налицо дифтонгизация первого слога имени.

⁵ J. W. Ruth, *Viipurin kaupungin historia*, стр. 8, 51.

Однако в XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием русское влияние на берегах Финского залива заметно ослабло, чем не воспользовались свейские и ливонские «немцы», огнем и мечом уничтожавшие местное карело-ижорское население и его поселения на восточных берегах Финского залива. Не удивительно, если такое различное отношение шведов и русских к карелам определило тягу последних к русским. Летом 1240 г., как известно, шведский флот вошел в русскую Неву. Однако ижорско-карельский старейшина Пелгусий своевременно заметил приближение врага и сообщил об этом новгородскому князю Александру Невскому, заслужившему это почетное название блестящей победой над вражеским флотом. Законно задуматься над вопросом: не потускневшая ли веками память о Пелгусии сохранилась в имени сына Пелгусия (Pelgusen poika), который, согласно карельским вариантам рун, упрекает отданного в Россию сына Калервы за то, что он плохо гребет на лодке? ⁶

Когда в 1253 г. немцы снова после сокрушительного для них Ледового побоища 1242 г. напали на русские земли, то новгородское войско, в котором под водительством русских опять были карелы, одержало на р. Нарове в 1253 и 1255 гг. новые победы над рыцарями. Карело-ижорские варианты старинных рун скупно, но гордо и прямо, в патриотических тонах повествуют о событиях подобного рода. В одном из них говорится о поселке, который:

Perin Peippiän jokkee
Tucho saivat Saksan laivat,
Ja tuloot Tukulmin laivat.
Kelle on kaiho Kaarastaa,
Se tulkaa kyllää meijen.
Meijen kylä linnan väärti,
Rahvas suuri Saksan väärti.

Был у ручейка Чудского,
Где немецкие суденки
Из Стокгольма приплывали.
Кто скучает по Каросте,
Тот пусть едет в наши села.
В городах и селах наших
Победил народ наш немцев ⁷.

Так старинная народная песня, переходившая из поколения в поколение, патриотически откликнулась на славные победы русского оружия над немецко-свейскими захватчиками.

К концу XIII в., когда основные силы русского народа были мобилизованы на борьбу с татарами, один из свейских захватчиков — Торкель Кнутсон в 1293 г. выстроил у развалин, возможно, древнерусского городка каменный замок — Выборг.

Пятьсот лет назад, в 1448 г., немецкие рыцари в союзе с датским и свейским королями вплотную подошли к р. Нарове. Однако при переправе через Нарову произошла битва с русскими войсками, во время которой, согласно русской летописи, «побили много поганых немцев, а иные потонули в море». На берегах р. Наровы позднее имели место и другие памятные для карел и ижор события, также подогревавшие их патриотические чувства. Не об аналогичных ли событиях повествует старинная карело-ижорская руна?

Tänne saivat Saksan laivat,
Vierevät Viron venneet...
Poikia kypäripäitä,
Kaikk oltii Saksan saappaissa.
Tuuli tuuloine iästä,
Kaato miehet merree,
Naiset Narvanjokkee.

Корабли с земель немецких
Из эстонских вод подплыли
С рыцарями в шлемах, латах,
Сапогах немецкой кожи.
Дул с востока ветер буйный,
Рыцарей свалил всех в море,
Утопил в реке Нарове ⁸.

⁶ SKVR, I, 928, 936, 937, 945.

⁷ Там же, III, 1586.

⁸ Там же, III, 964.

Немецкие рыцари и раньше битвы 1448 г. терпели от русских войск поражения на р. Нарове, как например, в 1253 г. Память об этих более ранних битвах также могла отобразиться в вышеприведенном отрывке народной песни.

В морских сражениях против немецких рыцарей и их союзников под руководством русских не могли не выступать и патриотически настроенные ратники из карел и ижор. Это обстоятельство нашло своеобразный отклик в неоднократно повторяемых рассказах о поездках героев рун «Калевалы» — Куллерво, сына Калервы, старого Вейнемейнена и юного Евкахайнена к вражеским якобы прибалтийско-немецким проливам (Saksan salmilla)⁹.

Во время военных действий 1555—1557 гг. свейские войска потерпели поражение под Выборгом отчасти из-за помощи, которую из патриотических побуждений местное карельское население оказывало русским, о чем говорят и шведские исторические акты. Смутное воспоминание об участии карел, персонифицированных в лице пастуха Куллерво, в подобных походах к Выборгу могло сохраниться в следующем отрывке варианта карело-финской руны:

Kullervo Kalervan poika
Laski alla uuen linnan,
Alla Viiburin vihazen.

Куллерво, тот сын Калервы,
Подплывал под новый город,
Ехал под враждебный Выборг¹⁰.

Карельская историческая песня об осаде Выборга в 1557 г. связывается с именем Ивана Грозного, хотя он непосредственно и не участвовал в этой операции. Песня в патриотических тонах изображает дружественное отношение местного населения к русским, олицетворенным в царе Иване:

Iivana on meän isäntä,
Meiän on kuuluisa kuningas
Laski karittelove
Kohti suurta Suomen rientä.
Kolahunni kovah ovie,
Rämähytty räyssäspuita;
«Onko saarella sijova
Vetiä venehtä moalla?»
Akat varsin vassatitih:
«Onpa saarella sijova.»

То — Иван, — он наш хозяин,
Наш «король» он знаменитый,
Едет, проплывает смело
Через Финский полуостров,
Грозно там стучит он в двери
Говорит, стреху задевши:
«Есть ли здесь — на островочке
Место, чтоб ладью поставить?»
Женщины же отвечают:
«Место есть на островочке»¹¹.

Царя Ивана, согласно руне, местное население встречает гостеприимно и дружески.

Однако большинство вариантов карельской исторической песни об осаде Выборга — этих «дверей» в Балтийское море — связано с именем Петра I. Дружественное отношение местного населения к Петру отразилось между прочим в том, что народ называет в песнях Петра I сыном Карелии. В этих исторических песнях сохранилось воспоминание о личном участии Петра в строительстве военно-морского флота.

В связи с цитируемым текстом надо сказать, что эпизод изготовления лодки характерен также для руны «Калевалы» о ранении колена старого Вейнемейнена. В силу поэтической традиции и отдельные варианты песни об осаде Выборга начинаются с того, как царь Петр, изготовляя на скале лодку, ранит, подобно старому Вейнемейнену, свое колено. В карельской среде, где бытовала и бытует эта песня об осаде Выборга, на протяжении двух с лишним столетий традиционная песня

⁹ SKVR, I, 178, 983 и др.

¹⁰ Там же, 989

¹¹ Там же, 1043.

сочеталась с воспоминанием о личном участии Петра I в строительстве морского флота.

Petri tsaari, uros ulja,
Poika kaunis karjalainen,
Vesti vuorella venettä.

Был царь Петр герой удалый,
Сын Карелии красивый,
На горе готовил лодку¹².

«Петр,— пишет В. Тельпуховский,— сильно торопил с созданием флота. В 1703 году он сам работал в течение 6 недель на Олонецкой верфи и заложил за это время 7 фрегатов, 5 шняв, 7 галер, 13 полугалер, 1 галиот и 13 бригаantin»¹³. Мотив об изготовлении кораблей царем Петром встречается в целом ряде вариантов карельских исторических песен. Согласно песне, записанной от одного из известных карельских сказителей Ивана Малинена:

Petteri oli kuulusin kuningas,
Karjalainen poika kaunis
Laittavi sotaväkie,
Lammin laivoja latovi.

Петр царем был знаменитым,
Сыном Карьялы красивым;
Снаряжает свое войско,
Корабли готовит в бухте¹⁴.

В этом варианте исторической песни правдоподобно и в патриотическом духе описывается разыгравшаяся около Невы борьба между кораблями шведского короля Карла и русским флотом, созданным усилиями Петра I и его сподвижников. Эту страничку истории Северной войны также детально описывает В. С. Тельпуховский в другой своей монографической работе¹⁵. «В 1705 году,— пишет о том же событии И. Шаскольский,— шведы совершили одновременное нападение на Кронштадт и на Петербург. Но у Кронштадта шведы увидели совершенно неожиданное для них зрелище — стройные ряды русских судов... Петр в короткое время успел построить на реке Свири 24 военных корабля и создал в два года первый военно-морской флот России»¹⁶.

Патриотично рассказывает о битве между войсками царя Петра и флотом короля Карла, имевшей место около строящегося Петербурга, вариант исторической песни, записанной от знаменитого певца рун «Калевалы» Ивана Малинена. О короле Карле в этой песне сообщается:

Laski päivän, laski toisen,
Jopa päivänä kolmantena
Linnan Piiteria vipasi.
Kaarle kaukoa näkyvi,
Vesillä verikäpälä,
Sinisorkka lainehilla.
Päällitse satamasaaren.
Piiterin väki on väkev,
Kuninkahan miehet kuulut
Pantiin «leivät» lentämähän,
Jänte'et jämisemähän,
Housun nappia hotasi.
Jopa on purjehet putoilli,
Purjen mastot poikki lenti.

День и два плывет по морю,
А на третий день он видит
Город Петербург в тумане.
Далеко король Карл виден
Со своей пятой кровавой,
В синие чулки обутый.
Через остров — гавань видно.
Войско сильное Петрово,
Знатные и ополченцы
«Хлебом» короля встречают,
Ядрами грудь раздирают,
Пуговку содрал с рейтузов.
Паруса все опустили,
Мачты все переломились¹⁷.

¹² SKVR, I, 1055.

¹³ В. Тельпуховский, Возвращение земель «отчич и дедич» и основание Петербурга, «Историч. журнал», № 1, 1941, стр. 52.

¹⁴ SKVR, I, 1073.

¹⁵ В. С. Тельпуховский, Северная война, Москва, 1946, стр. 52.

¹⁶ И. Шаскольский, Борьба русского народа за шведские берега, Воениздат, 1940, стр. 40.

¹⁷ SKVR, I, 1073.

Аналогичный вариант этой песни записан от представителя другого крупнейшего рода певцов рун «Калевалы» — от Михаила Архиповича Перттунена. Запись этой исторической песни от ряда наиболее известных сказителей района Калевалы Карело-Финской ССР свидетельствует о том, что в далекой от Петербурга северной Карелии в начале XVIII в. оказались какие-то непосредственные участники организации разгрома шведов на подступах к Петербургу в 1705 г. Притом особенно характерно то, что нигде, кроме северной Карелии, варианты песни о нападении шведов на Петербург не записаны. Скорее всего, группы северных карел были привлечены к походу Петра от Белого моря по «сударевой дороге» в Балтийское, притом они участвовали главным образом в событиях 1705 г., но осада Выборга в 1710 г. прошла как-то для них незамеченной, поскольку песню об осаде Выборга северные карелы связывали с именем Ивана Грозного, в то время как южные карелы поют ее как песнь о Петре I. Прямыми указаниями на наборы среди карел во время постройки флота в 1704—1705 гг. мы не располагаем. Но поскольку имеются сведения о синявинских наборах матросов в 1710—1715 гг. из тех местностей, где Петр строил свой флот (притом 85 человек было взято из беломорских селений вокруг Сумпосада и столько же из населенной в значительной мере карелами Кемской волости), — постольку можно предполагать, что и ранее петровский флот пополнялся за счет карел, в частности из карельского села Кемской волости Подужемье, которое было одним из основных пунктов судостроения на Белом море.

Можно без преувеличений сказать, что карельские народные исторические песни о походах Петра I являются подлинно народной летописью великих побед русского оружия над шведами. По этим песням можно проследить многие этапы борьбы за невские берега и всю Прибалтику.

В ряде вариантов исторической песни об осаде Выборга отмечается сочувственное отношение карельского населения к Петру I, московским молодцам и новгородцам белокурам. Поэтически образно изображается помощь, оказанная выборгским кузнецом царю Петру:

Piiteris oli suuri Pekka.
 Se oli niin viisas —
 Tuli Viipuria tiijustamah,
 Mäni sepän pajas (!),
 Sano Viipurin seppä:
 «Ota minua takomas (!),
 Miul on paljo vägeel!»
 Sepän kanssa tavottih,
 Kysy sepältä matkoja:
 Millaiset ollah,
 Konsa tullah Viipurin vihoilla,
 Kaupunnin suurilla pihoiilla.
 Kutsu sepän itseh luokse,
 Keräi Moskovan molotsat,
 Uuvenlinnan liuhtiharjat...
 Tuli Viipurin vihoilla,
 Linnan seinät liikuttelit,
 Räystähät rämyjä pantih.

В Питере был Петр Великий,
 Так хитер был, что собрался
 На разведку в крепость Выборг,
 К жузнецу царь Петр приходит,
 Выборжский кузнец промовил:
 «Ты ковать меня возьми-ка,
 Ведь я много сил имею!»
 Вместе с кузнецом кует Петр,
 И у кузнеца разведал
 Все дороги и подходы,
 Что ведут под крепость Выборг,
 На большой двор цитадели.
 Кузнеца с собой он вызвал,
 Взял и молодцов московских,
 Новгородцев белокурых...
 И до Выборга добрался,
 Стены крепости он сдвинул,
 Лишь обломки с крыш летели¹⁸.

И, в самом деле, «большую роль, — пишет В. Тельпуховский, — в подготовке операций по овладению выходом в Финский залив сыграла помощь местного населения. Оно дружелюбно встречало русскую армию и сообщало русскому командованию ценные данные о шведах...

¹⁸ СКВР, II, 288.

Показания местных жителей и их дружественное отношение к русским были очень ценны для Петра. В письме адмиралу Ф. Головину от 5 сентября 1702 года Петр написал «Все работники знают (иные еще лутче), которые по берегу живут»¹⁹.

Вышеприведенный отрывок руны о «сотрудничестве» Петра с кузнецом в деле овладения берегами Финского залива не является единственным случаем в устной карело-финской народной поэзии. В вариантах исторической песни, записи которых произведены в XIX в. и в начале 1945 г. в южнокарельском селе Вешкелицах, встречается аналогичный эпизод о помощи героя рун «Калевалы» — кузнеца Ильмаринена царю Петру и, следовательно, вообще русским. В варианте старой записи XIX в. повествуется:

Petri on kuuluisa kuningas
 Moskovan hyvä molotsu,
 Laati laivoset merehen.
 Mi on mäess mäntyisiä,
 Se on Petrin purjepuita.
 Viisahah tuli Viipurihin
 Suomenniemen sotiherra
 Päivän ampui alatse,
 Toisen päälitse.
 «Oi, seppo Ilmarinen,
 Tao keio kolmel sullal,
 Ammu tuoh kirjajah kiveh!»
 Kilpasti keio kivistä,
 Mäni keio merehehen
 Perin tietämättömähän...
 Petri sano kuuluisa kuningas,
 Moskovan hyvä molotsu:
 «Laai keio yheksäl sullal,
 Vaskivarsi varasampi!»
 Ampui kirjajah kiveh,
 Meni kivi meren taakse.

Петр царем был знаменитым,
 Знатным молодцом московским,
 Корабли спускает в море.
 Сколько на горушке сосен,
 Столько мачт в Петровском флоте.
 С хитростью проник он в Выборг
 И на финский полуостров.
 День стрелял он с недолетом,
 А второй день с перелетом.
 «О, кователь Ильмаринен,
 Скуй трехгранное копые мне,
 Брось копые об пестрый камень!»
 Пика, отскочив от камня,
 В сияем море утонула,
 Без следов в пучине скрылась...
 Молвил Петр — царь знаменитый,
 Славный молодец московский:
 «Скуй, кузнец, копые получше,
 Изготовь в нем девять граней!»
 То копые он в камень бросил,
 Камень отлетел за море²⁰.

Копье как орудие борьбы с врагами в руках царя Петра, казалось бы, звучит как явный анахронизм. Однако многое становится ясным, если учесть, что впервые в мировой военной истории штык как составная часть ружья начал применяться при Петре I и ковавшие это холодное оружие карельские кузнецы вполне могли назвать такой первый штык копьем, функцию которого он по существу и продолжал. Известно, что такие штыки готовились при Петре I на расположенном в устье р. Лососинки Петровском заводе, в юго-восточной части Петрозаводска.

Несколько отличаются от рассмотренных выше вариантов этой исторической руны записанные нами в 1945 г. в с. Вешкелицы Пряжинского района Карело-Финской ССР и в дер. Кимовары Ругозерского района в 1948 г., но в них также говорится о помощи кузнеца Ильмаринена Петру I под Выборгом²¹.

Тема патриотизма пронизывает также поздние произведения, которые отражают исторические события XIX в.

В отдельных вариантах руны о вражде героев «Калевалы» — Унтамо и Калервы — в патриотических тонах повествуется о сборах молодого па-

¹⁹ В. Тельпуховский, Северная война, стр. 49.

²⁰ SKVR, II, 281.

²¹ Архив Карело-финской научно-иссл. базы Академии Наук СССР, фонды карельского фольклора.

стуха на войну 1812 г. против французских захватчиков. Так, руна, записанная от сказителя-ижора села Медусси Ленинградской области Андрея Иванова, заканчивается следующими словами:

Paimen poika poitulainen,
Poitukkainen, baitulainen
Vesti luikun lehmän luista,
Turun toivikko jaloista.
Tuo soitteli sotaan,
Ransan suureen sotaan.

Пастушок сынок бурлацкий,
Сирота, одет в лохмотья,
Сделал из коровьей кости —
Сделал свой рожок прекрасный,
На войну рожок сзывает,
На великий бой с французом ²².

Упоминания о борьбе с французами в годы Отечественной войны 1812 г. характерны и для других карело-финских рун о герое Калевалы — пастухе Куллерво.

Образ французов наполеоновской армии в карело-финских рунах встает рядом с образами татар, шведов и других врагов русского государства. Согласно руне, обнаруженной в селе Сойкола Ленинградской области, собравшийся на войну с французами и шведами патриот-мститель в ответ на полученные вести о смерти своих родных решительно заявляет:

Ei mie täältä poies pääse,
Musta mies on murentamatta,
Viel on Ruotsi ruokkimatta,
Tattarlainen tallomatta,
Rantsussit rakettamatta.

Не могу домой вернуться,—
Черный муж не лобужден мной,
Швецию не «накормил» я,
И татары не разбиты,
И не выгнаны французы! ²³

В этом произведении сохранены традиции героических описаний руны «Калевалы» о том, как Куллерво, сын Калервы, собирается на войну против своих врагов (в большинстве вариантов руны это — шведы) и на войне получает вести о смерти своего отца, своей матери и своей жены.

Карело-финские руны имеют огромную ценность как высокохудожественные произведения поэтического народного творчества. Но наряду с этим они ценны для нас так же, как произведения исторические. А. М. Горький справедливо указывал: «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории». Руны «Калевалы» и исторические песни показывают исторически складывающиеся дружеские отношения русских и карел.

Карело-финский эпос правдиво и непосредственно рассказывает о всемирной роли русской культуры, о значении борьбы русского народа с иноземными захватчиками также и для карел и финнов. Народное творчество опровергает лживые заявления националистической буржуазии о взаимной враждебности угрофинских и славянских народов, заявления, прямо служащие целям и интересам современных империалистов. Трудовой народ сам рассказывает о своей истории, дает оценки историческим событиям, историческим деятелям, и эти оценки резко расходятся с оценками истории, которые даны в работах либеральных и реакционных буржуазных ученых прошлого и современности.

²² SKVR, IV, 1384.

²³ Там же, III, 275.